

UDC 930.85 (4—12)

YU ISSN 0350—7653

ACADEMIE SERBE DES SCIENCES ET DES ARTS

COMITE INTERACADEMIQUE DE BALKANOLOGIE
DU CONSEIL DES ACADEMIES DES SCIENCES ET DES ARTS
DE LA R.S.F.Y.

INSTITUT DES ETUDES BALKANIQUES

BALCANICA

ANNUAIRE DE L'INSTITUT DES ETUDES BALKANIQUES

XXI

BELGRADE
1990

BALCANICA XXI, Beograd 1990, 1—411.

Петар МИЛОСАВЉЕВИЋ
Институт балканистики САНУ
Београд

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИИ К СЕРБИИ В 1908—1914 ГОДАХ

В 1908 году все внимание русской дипломатии было сконцентрировано на балканический кризис.

Барон Эренталь, заведующий австро-венгерской политикой, принадлежал к группе „молодых“, которая более смелой внешней политикой настаивала предупредить распадение Двойной монархии. Группа „молодых“ считала необходимым вести борьбу против славянской угрозы существующей внутри страны; настаивала на непрерывном, однако осторожном, давлении на Сербию и хорошо обдуманному проникновению на Балканы. Сторонник „молодых“, Эренталь требовал аннексии Боснии и Герцеговины, хотя решениями Берлинского конгресса Австро-Венгрии представлялось только право административного управления и право дислоцирования гарнизонов в Новопазарском санджаке. Обеспечив поддержку Германии, он решил приступить к осуществлению своих планов, несмотря на то, что этим шагом нарушались статьи Берлинского договора. Его не пугала ни возможность протеста сил подписавших упомянутый договор, особо России. Надо иметь в виду, что Эренталь, прежде чем стал министром иностранных дел, в периоде с 1899 по 1906 год, занимал пост австро-венгерского посла в Петрограде. Здесь он приобрел много приятелей, особо в среде русских консервативных кругов. Особо близким, был он с Шванебеком, государственным секретарем в министерстве народного хозяйства и большим специалистом по финансовым вопросам. Шванебек ввел его в самые влиятельные круги русской столицы. Впечатления, приобретенные им во время пребывания в Петербурге, убеждали его в том, что Россия слишком слаба чтобы могла противостоять офанзиве Австро-Венгрии на Балканах. Однако, его намерение связать турецкую с австро-венгерской железной дорогой через Боснию и Герцеговину с целью открытия дорог по направлению к Салоникам и Константинополю, привели, в

начале 1908 года, к разрыву русско-австрийского договора из 1897 года и к сближению России и Англии.

Во время встречи в Ревеле, русского царя Николая II и английского короля Эдварда VII, в июне 1908 года, был разработан план о контроле европейских сил для выполнения реформ в европейской части Турецкой империи. Однако, толчко что этот план стал известным в столицах европейских государств, революция младотурков заставила султана опубликовать новую конституцию. В ответ на эти события сыли отложили введение в жизнь Ревельской программы и вызвали обратно своих чиновников из Македонии.

Однако, революция младотурков заставила Эренталья поспешить с аннексией Боснии и Герцеговыни. Пятнадцатого сентября 1908 года, в замке Бухлау, в Моравской, он встретился с Извольским. Что, в самом деле, происходило во время этой встречи, пока что неизвестно. Эренталь утверждал, что Извольский согласился с аннексией Боснии и Герцеговыни со стороны Австро-Венгрии под условием, что проливы будут открыты для России. Со своей стороны, Извольский утверждал, что такого согласия никогда не давал. Но, в ноте по вопросу проливов, настойчиво тре бовал созвать конференцию всех сил, подписавших Берлинский договор. Вслед за этим, Извольский покинул Бухлау и уехал в Париж. Все же, три недели спустя того октября, Франц Иосиф подписал декрет об аннексии Боснии и Герцеговыни. В тот же день, болгарский княз Фердинанд принял титул царя и провозгласил независимость Болгарии.

Эти два акта вызвали серьезные столкновения. Правительство младотурков ответило бойкотом австро-венгерских товаров. Положение России стало весьма деликатным. Извольский потребовал созыва конференции. Между тем, Эренталь, противник любого международного рассмотрения назревшей проблемы, категорически отбросил это предложение. Со своей стороны, выступая в Думе, Извольский заявил, что не замедлил перенести болгарскому правительству какие неблагоприятные впечатления в России вызвал его последний шаг. Однако, в виду традиционной политики России в отношении Болгарии, он вынужден признат, ее независимость и тем самым подтвердить успех австро-венгерской дипломатии.

Аннексия Боснии и Герцеговыни вызвала в Сербии и в России волну протестов. Сербь в этом акте видели попытку их запугивания и требовали соответствующие компенсации и гарантии. Одновременно, явное мнение в России, в Думе и в независимой печати, открыто и энергично, требовали защитить Сербия от австро-венгерской угрозы.

Вскоре, Эренталь при поддержке Германии, начал переговоры непосредственно с Турцией, которой возвратил Санджак. Однако, 26 января 1909 года, получив от Австро-Венгрии заем

в сумме 54 миллионов крун, турецкое правительство признало аннексию Боснии и Герцеговины. Одновременно, посредством России Турция согласилась на независимость Болгарии. Вернее, это свое согласие турецкое правительство обусловило выплатами долга за отречение от Восточной Румелии. Со своей стороны, Россия предложила сальдировать этот долг за счет суммы, которую Турция должна была выплатить России в виду контрибуции по окончании русско-турецкой войны 1877—1879 года, Девятнадцатого марта 1909 года Россия одобрила Турции заем в сумме 25 миллион рублей и турецкое правительство признало независимость Болгарии.

Несмотря на эти положительные движения между великими силами, австро-сербские недоразумения существовали и дальше, грозя вызвать, русско-немецкий конфликт. Сначала Россия отказалась поддержать Сербов. Извольский даже заявил: „Вы не в состоянии оружием выдворить Австрию из Боснии, а мы Русские не можем воевать из за вас с Австрией“. Этим пользуется Австрия и 19 марта передает ультиматум сербскому правительству. Австрия требует чтобы Сербия не только признала аннексию Боснии и Герцеговины, но и чтобы в течение трех дней демобилизовала свои войска и переменяла свой внешне политический курс. Эти требования вызвали перемену в русской внешней политике. Двадцатого марта Извольский заявил, что готов всегда рекомендовать Сербам быть спокойными, однако требует чтобы Германия в том же направлении действовала в Вене. Одновременно, Извольский предложил созвать международное совещание по всем спорным вопросам. В ответ на эти предложения, Германия предъявляет ультиматум России. Двадцать второго марта немецкий посол в Петрограде, граф Пурталес, потребовал чтобы Извольский недвусмысленно ответил принимает ли Россия австро-венгерскую ноту и согласна ли с отменой статьи 25-ой Берлинского договора, относящейся к вопросу аннексии Боснии и Герцеговины. В случае австро-русской войны, Германия заявила о своей интервенции в пользу Австрии. Россия, не в состоянии вести войну и российское правительство согласилось с требованиями Германии. Сербия, которой Россия отказала в поддержке и под давлением сил, 31 марта вынуждена была принять австро-венгерский ультиматум.

Озабочена успехами Австро-Венгрии на Балканах, Италия стремится к соглашению с Россией. Двадцать четвертого октября 1909 года, после встречи Николая II с Виктором Эмануэлом в Раконии, между Россией и Италией был подписан секретный договор об сохранении на Балканах. В случае невозможности осуществления этого принципа стороны договорились поддержать принцип национального развития балканских государств.

Тем временем пост министра иностранных дел России занял Сазонов. Он, с одной стороны, всеми силами старался ликвидировать русско-германские противоречия а, с другой, работает на формировании балканического союза. В результате этих настояний, 13 марта 1912 года между Сербией и Болгарией был подписан сербско-болгарский союзный договор.

Не входя в анализ содержания упомянутого договора, который вскоре дополнен болгаро-греческим и сербско-черногорским договорами, и этим самым закончен процесс формирования политической организации на Балканах, однако нужно отметить, что он не являлся только делом русской дипломатии. Наоборот, он отражал и стремление балканских народов помочь делу освобождения еще неосвобожденных жителей европейской части Турецкой империи. Между тем, дело осложнялось тем фактом, что часть балканского народа все еще находилась под властью Австро-Венгрии. Стремление только что сформированного политического союза балканских государств, поддержанного Россией, окончательно разрешить вопрос национального освобождения на Балканах угрожало международным столкновением больших размеров. Это раньше всех увидело правительство Франции, хоть Сазонов тщательно скрывал от Пуанкаре характер и цели деятельности русской дипломатии на Балканах. Тем не менее, Пуанкаре решительно заявил русскому правительству, что Франция не намерена поддерживать его политику по отношению балканического союза, и что не намерена впутываться в авантюру, которую Россия готовит на Балканах. А когда в августе 1912 года Пуанкаре в Петрограде ознакомился с текстом всех балканических договоров, он не скрыл свой ужас их содержанием.

Однако, события разворачиваются неудержимо. Первая балканическая война заканчивается полной победой над Турцией. Все же, мирный договор подготовлен конференцией великих сил в Лондоне, в мае 1913 года, не был реализован. Македонский вопрос вызывает столкновение между Сербией и Болгарией. В июне того же года, Николай II напоминает правительствам Сербии и Болгарии о статье сербско-болгарского договора, предусматривающей возможность русского посредничества в случае возникновения недоразумений между союзниками. Под давлением русского царя, правительства Сербии и Болгарии в принципе принимают русское посредничество, однако, не дождавшись окончательного решения русского царя, Болгария без объявления войны нападает на Сербию. Началась вторая балканическая война. Вскоре, на сторону Сербии, Греции и Черногории становится и Румыния. Болгария терпит поражение и теряет не только территории в Македонии, но и часть территорий приобретенных ей на основании Лондонского договора.

Естественно, победа балканских государств над Турцией, ровно как и изгнание Турции с Балкан, а особо территориальное

увеличение Сербии, вызвало озабоченность среди правящих кругов Австро-Венгрии. Более того, вновь возбудило русско-австрийские противоречия. В такой обстановке, в феврале 1913 года, по поручению австрийского царя Франца Иосифа, австрийский дипломат фон Хознлое-Шимингсфирст отправляется в Петроград с целью предупредить русско-австрийское столкновение. В результате его деятельности в русской столице, между Россией и Австрией был подписан договор, по которому Австрия соглашалась демобилизовать свою армию. Со своей стороны Россия демобилизовала 350.000 человек из числа резервистов.

Текст, сообщений о подписании упомянутого договора, в Петрограде и Вене, был различен по своему содержанию. Так, на пример, в тексте сообщения на русском языке говорится, что Австро-венгерская монархия не имеет завоевательных намерений по отношению своих южных соседей. Этот текст вызвал большое недовольство правящих кругов в Вене. Но, это не было единственным источником недоразумений между Веной и Петроградом. Расхождения существовали и по другим вопросам. В первую очередь это относилось к вопросу границ: сербских, румынских и албанских. Неприятельское отношение Австро-Венгрии к своим южным соседям, прежде всего к Сербии, находило на полное понимание и поддержку Германии. Так, в своем выступлении 15 марта 1913 года, германский канцлер Бетман-Хольвег открыто заявил, что германская помощь австро-венгерскому правительству не значит только дипломатическое посредничество. Известно, что уже в апреле месяце 1913 года Австро-Венгрия окончательно приняла решение о нападении на Сербию. Одновременно, ссылаясь на договоры Тройственного союза, Австро-Венгрия пригласила Италию на совместное выступление на Балканах. Однако, отрицательное отношение последней к этому приглашению и позиция русского правительства воспрепятствовали возникновению вооруженного столкновения. Италия не хотела участвовать в войне, которая бы в случае победы Австро-Венгрии привели к полному господству последней на Балканах. Со своей стороны, Россия отказалась поддержать черногорского короля Николу который, вопреки решениям великих сил, продолжал осаждать Скадар. Россия обвинила короля Николу в намерении вовлечь Россию и всю Европу вопреки их желания в войну.

Вторая балканическая война между вчерашними союзниками серьезно компрометировала русскую политику на Балканах. Это особенно чувствовалось в Болгарии. На последующих выборах в болгарский парламент русофильские партии претерпели значительный урон и были отстранены от власти. Новое правительство открыто заняло антисербские позиции, приклянаясь австрийской балканической политике. Утратилось и русское влияние и в Цариграде. Нерешительность России во многих

спорных вопросах, особо по вопросу о защите интересов балканских народов от открытих притязаний Германии и Австро-Венгрии, привела к тому, что Турция перестала считаться с мнениями России. Об этом, между прочим, свидетельствует и афера с убийцей Махмут Шефкет-паши. Как известно, он имел русский паспорт, однако, во время прохода пароход через Дарданеллы, на требование Порты, русским консулом он был передан турецким властям. Еще более характерным был другой случай. Как известно, в конце 1913 года в Цариграде прибыла немецкая военная миссия, а ее шеф, генерал Лиман фон Сандерс, назначен командующим первой турецкой армией, расположенной в самой столице Турции. Русское правительство протестует. Германия шлет уклончивый ответ, обещает защищать русские интересы и переменить характер миссии генерала Лимана. Однако, все остается на обещаниях. А когда, вопреки заявлению великого визиря, что немецкая миссия не имеет политического характера, и что компетенция генерала Лимана не распространяется на Дарданеллы, русский посол Жиер требует подтверждения существующего положения о Дарданеллах, прекращения ремонта старых и сооружения новых укреплений, как и возмещения убытков, которые могут быть причинены русской торговле, Порта вообще не считает себя обязанной отвечать на предъявленные требования.

Восмого января 1914 года генерал Лиман подает в отставку на пост командующего первой армией. Однако, три дня спустя он становится маршалом и генеральным инспектором всей турецкой армии. В такой обстановке беспокойство России становится еще большим. Оно увеличивается когда в конце января Порта покупает два крейсера — „Молтке“ и „Гебен“ и стремится приобрести в Южной Америке еще несколько военных кораблей.

Рост влияния Германии в Турции и политика Австро-Венгрии на Балканах, которая была напутана перспективой объединения Сербии и Черногории, заставило Россию поспешить с приготовлениями к войне. В марте, в одной из русских газет опубликована статья о состоянии вооружения русской армии, а в другой, петербургской газете, анонимный корреспондент, многи в нем узнали военного министра Сухомлинова, сообщил, что русская армия способна вести не только оборонительные, но и наступательные операции. Упомянутая статья сделалась предметом обсуждений и спекуляций во многих странах Европы, особо в Германии, где военные и консервативные круги старались использовать ее в пропагандных целях, обвиняя Россию в подготовке и подстрекательстве к войне.

В середине июня месяца 1914 года, две недели до убийства Франца Фердинанда в Сараеве, Вильгельм II и Фердинанд встретились в Конопиште. Здесь, кроме других, обсуждался и балканический вопрос. Сразу после того, австро-венгерским

правительством был разработан подробный меморандум в котором рассматривался вопрос привлечения Болгарии и Турции в антирусский союз. Меморандум еще не был отправлен, когда пришли известия о сараевском убийстве. Этими спользовалась Австро-Венгрия, чтобы свести счеты с Сербией. Пятого июля, граф Хайош передает упомянутый меморандум германскому правительству. Одновременно, передает и заявление Франца Иосифа, в котором говорилось что нужно срочно найти способ изолировать и территориально уменьшить Сербию. Без выполнения этой задачи, без ликвидации Сербии как политического фактора на Балканах, утверждал Франц Иосиф, невозможно формировать новый политический союз, в которой вошли бы Турция, Болгария, Румыния и Греция. Отвечая на полученное заявление, Вильгельм II упрекал Австро-Венгрию за медлительные действия. По его мнению, раз Австро-Венгрия собирается казнить Сербию, то надо действовать сразу, пока Россия еще колеблется и не решается предпринимать вооруженное выступление. Такого мнения был и канцлер Бэтман-Голвег. По приказу Вильгельма II, посол Германии в Вене, должен был заявить, что в Берлине ожидают решительного выступления Австро-Венгрии против Сербии, и что в Берлине вызовет большое удивление и недовольство если Австро-Венгрия этого не сделает. Сведя свои впечатления из поездки в Берлин, граф Хайош высказал мысль, что правящие круги Германии и лично царь просто заставляют Австро-Венгрию напасть на Сербию.

Вскоре, 7/19 июля, австро-венгерский Крунский совет, под влиянием графа Берхтолда, министра иностранных дел, и вопреки сопротивления венгерского премьер-министра графа Тисе, решает подготовить нападение на Сербию, передав ей, с целью оправдания перед явным мнением Европы, ультиматум, который она не сможет принять. Лицемерно заявляя, что не желает нарушить ее территориальную целость, австро-венгерское правительство в действительности намеревалось разделить территорию Сербии между ее соседями: Болгарией, Грецией, Румынией и Албанией; исправить австро-сербскую границу в пользу Австро-Венгрии; ставить под свой военный контроль оставшуюся за Сербией территорию; низложить правящую в Сербии династию; навязать ей военный союз и ставить всю жизнь страны в зависимость от Австро-Венгрии.

Имея ввиду, что к этому времени председатель Французской республики Пуэнкаре и премьер-министр Вивиани находились в Петрограде, и боясь, чтобы они могли повлиять на Сазонова, австро-венгерское правительство ждет с передачей ультиматума Сербии. Ультиматум был передан 23 июля сразу после отплытия из Петрограда крейсера „Франция“, которым Пуэнкаре и Вивиани покинули Россию.

Хотя расследованием, которое провел представитель австро-венгерского правительства не обнаружена причастность серб-

ского правительства к сараевскому убийству, Австро-Венгрия не отказалась от своего ультиматума, требуя выполнения всех его статей в течении 48 часов.

В такой обстановке европейской дипломатии не оставалось много простора для акции, хотя в последующих шесть суток она делает все чтобы помешать осуществлению австро-венгерских планов, которые Германия целиком поддерживала, хотя и не знала их настоящее содержание.

К этому времени Россия действительно не была готова к войне. Поэтому Сазонов сначала предлагал австро-венгерскому правительству продлить сроки ультиматума; потом, посредством сербского посла в Петрограде, он советовал сербскому правительству принять все требования Австро-Венгрии, кроме тех, которыми повреждается суверенитет Сербии. Принимая этот совет, сербское правительство 25 июля в шесть часов вечера передало австро-венгерскому послу барону Гизлу свой ответ. Сербия не принимает только требование об участии австро-венгерских чиновников в судебном расследовании сараевского убийства на территории Сербии. В случае недовольства австро-венгерского правительства этим предлогом правительство Сербии выражало готовность случай передать международному суду в Гааге. Между тем, и не прочитав полученный ответ, барон Гизл, в соответствии инструкциями своего правительства, охарактеризовал его неудовлетворительным. Полчаса спустя, вместе со всем персоналом посольства он покидает Белград. Двадцатшестого июля Сербия и Австро-Венгрия объявляют мобилизацию своих войск. Наследник сербского престола Александр телеграммой просит помощь от Николая II. Россия ищет пути начать прямые переговоры с Австро-Венгрией. Берхгольд, решен ускорить развязку событий, относится отрицательно к таким попыткам. На сцену вступает Англия. Ее правительство предлагает созвать конференцию четырех великих сил — Германии, Англии, Франции и Италии, незаинтересованных в сербском вопросе. Германия не принимает это предложение.

Двадцать восьмого июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии. Такая торопливость не совсем понятна если имеет, в виду, что генерал Конрад фон Геццдорф только что оповестил свое правительство о невозможности, из-за неподготовленности армии, начать военные действия раньше 12 августа. Однако, поступок австро-венгерского правительства по отношению к Сербии вызвал недовольство европейского явного мнения и сделал неизбежным русское вмешательство. Сразу после вручения австро-венгерского ультиматума Сербии, Сазонов заявил английскому послу в Петрограде Дж. Бюканану, что если Германия не остановит Австро-Венгрию, то Россия не отступит перед угрозой войны. Убеденная в помощь со стороны Франции, Россия требовала, чтобы Англия немедленно высказалась в отношении предстоящей войны. Двадцать седьмого июля Ан-

глия еще не дала ответ на запрос русского правительства, однако приняла решение не демобилизовать личный состав военно-морского флота, который только что закончил военные маневры. В тот же день Николай II ответил сербскому наследнику престола, что если его попытки отстоять мир не приведут к желательным результатам, то Россия не останется равнодушной к судьбе Сербии.

В день объявления войны Сербии, Бетман-Холвег рекомендовал венскому правительству выступить с заявлением, что не имеет намерение делать территориальные приобретения, и что территорию Сербии оккупирует только временно. Сделанное заявление несколько не успокоило Россию, ибо всем было ясно, что оно было сделано по тактическим причинам. В России чувствовали, что война с Австро-Венгрией становится неизбежной. Поэтому на заседании совета министров под председательством царя, принято постановление о мобилизации четырех военных округов на юге России. Этим актом Россия мобилизовала 13 армейских корпусов из 37 сколько ими располагала. Приказ о мобилизации объявлен утром 29 июля 1914 года.

Не прошли сутки как Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а на границе уже велись бои. Этим международная обстановка еще больше осложнилась. Но и в такой обстановке Россия делает попытки приостановить вооруженное столкновение. Двадцать восьмого июля, Вильгельму II вручена телеграмма русского царя. Николай II просил Вильгельма помощь в разрешении появившейся проблемы. На следующий день, 29 июля, на требование России Эдвард Грей повторил предложение английского правительства о созыве международной конференции четырех незаинтересованных сил. При этом, Грей не требовал прекращения военных действий и даже соглашался с оккупацией части сербской территории пока конференция не найдет соответствующее решение, отвечающее интересам Австро-Венгрии. Однако и это предложение было отвергнуто. Более того, по требованию австро-венгерского правительства, германский послан в Петрограде граф Пурталес заявил Сазонову, что если Россия не прекратит мобилизацию своих войск, то Германия объявит мобилизацию. Этот шаг германского правительства убедил правящие круги в Петрограде, что война с Германией неизбежна. Поэтому Сазонов, в одном из своих заявлений, мог заключить: „Так как не сможем удовлетворить требованиям Германии, нам не остается ничего другого как ускорить свое вооружение, ибо война кажется неизбежной“. Двадцать девятого июля Николай II еще раз пытается предупредить вооруженное столкновение. Он посылает телеграмму Вильгельму II с предложением вынести австро-сербский вопрос на рассмотрение гаагского суда. Телеграмму царь послал без ведома русского правительства. За ее существование Сазонов узнал

шесть месяцев спустя. И германское правительство скрывало ее от общественности, Это и понятно, ибо Вильгельм старался ответственность за проширение войны на незаинтересованные силы перебросить на Россию. Его пугало и настроение широкой общественности, которая прекрасно понимала, что невозможно успешно вести войну на трех фронтах. По поручению царя, германский посол в Петрограде граф Пурталес, 30 июля спросил у Сазонова будет ли Россия довольна, если Австро-Венгрия заявит, что не повредит территориальный интегритет Сербии. На этот запрос Сазонов ответил, что события получили общеевропейский характер и что апсолютно нужно сохранить государственный суверенитет Сербии. Другими словами Сазонов требовал чтобы Австро-Венгрия из своего ультиматума Сербии выбросила статью усмеренную против суверенитета Сербии. Только в таких условиях Россия была готова приостановить подготовку к войне. Германия отклонила русские условия как неприемлимые для ее союзников.

Кроме дипломатической, 30 июля наблюдалась оживленная активность и генеральных штабов. Убежденные, что война неизбежная, они торопились закончить вся нужные приготовления. Штабы взаимно обвиняются в предпринятии мер по приведению своих армий в состояние боевой готовности без официальных указаний своих правительств. Насколько штабы были решительными довести дело приведения войск и боевое состояние свидетелствуют события в Германии. Здесь, Бетман-Холвег энергично потребовал, чтобы Вильгельм отменил декрет о мобилизации германской армии, объявленный 30 июля в газете „Lokal Anseiger.“ Это требование вызвало резкое сопротивление военного министра и начальника генерального штаба германской армии, пригрозивших даже своими отставками в случае приостановления предпринятых мер по проведению мобилизации. Нечто подобное имело место и в России. Здесь еще с 25 июля предпринимали меры по подготовке войск для действия против Австро-Венгрии, чья армия уже находилась в полной боевой готовности. На следующий день Крунский совет во главе с царем принял решение завести в стране предмобилизационное состояние. Однако этот шаг довел до серьезных проблем, прежде всего технического характера. Дело в том, что не был заранее обдуман шаг, а какая то импровизация, которая могла ставить под вопрос общую мобилизацию. Поэтому в военных кругах считали, что невозможно отделить частичную от общей мобилизации. Двадцать девятого июля Николай II соглашается объявить общую мобилизацию. Однако, как он уже обратился Вильгельму II с предложением передать австро-сербский спор гаагскому суду, то вынужден был взять обратно свое согласие и одновременно объявить мобилизацию только в четырех военных округах. Поступок царя вызывает недовольство членов генерального штаба, убежденных, что с такими силами нельзя вступить

в войну с Австро-Венгрией, которая за последние годы превратилась в сильное военное государство.

В следующие два дня, Николай II посылает две новые телеграммы Вильгельму II, во которых заверяет его что русская армия пока идут переговоры с Австро-Венгрией не начнет военных действий. Одновременно, он просит Вильгельма подтвердить, что мобилизация германской армии не значит войну, и что переговоры великих сил смогут продолжиться. В такой обстановке и Сазонов делает новые уступки. Он соглашается с австро-венгерской оккупацией Белграда и предлагает международный арбитраж в связи с изменением текста австро-венгерского ультиматума Сербии. Однако, 30 июля, в час утра, Николай II вручен ответ Вильгельма II в котором последний ответственность за предстоящую войну сваливает на Россию если она выступит против Австро-Венгрии. В два часа дня во время разговоров между военным министром Сухомлиновым, Сазоновым и начальником генерального штаба Янушевичем, генералы упрямо требуют перейти с частичной на общую мобилизацию войск и просят Сазонова убедить Николая II в необходимости такого шага. В противном Янушевич грозит отставкой. Сразу после того, в течение четырех часов, царь принимает в аудиенцию Сазонова. Последний знакомит царя с действительным содержанием германского ответа и указывает на необходимость общей мобилизации. Одновременно, он предупреждает царя, что если Россия не поймет своей задачи, то навсегда потеряет влияние и престиж, которые на Балканах приобрела в течении всей своей истории. Она также будет осуждена на бедное существование и брошена на милость и немилость центральных сил. Понимая всю ответственность за шаги, которые должен предпринять, царь согласился с мнением своего министра и приказал объявить общую мобилизацию русской армии. Получив приказ, и боясь как бы царь не передумал, генерал Янушевич прерывает дальнейшую телефонную связь с царем. На следующий день, 31 июля в 10 часов и 40 минут декрет об общей мобилизации был объявлен. В тот же день, в 12 часов и 30 минут Германия объявляет состояние военной опасности, что было равносильно общей мобилизации. Несколько часов позже она посылает ультиматум России и Франции.

Немецкий ультиматум Сазонову вручен у полночь. В нем Германия требует, чтобы Россия в течение 12 часов прекратила все военные мероприятия. На эти требования Россия не ответила.

Интересно, что в момент, когда Германия передала ультиматум России, Австро-Венгрия внезапно заявила о своем согласии обновить переговоры. Цель была ясна; нужно было ответственность за начало войны перебросить на Россию. Од-

нако, эта попытка претерпела неудачу, ибо войну объявила Германия. Первого августа в семь часов вечера граф Пурталес просит прием к Сазонову и весь взволнован передает ему акт об объявлении войны. Австро-Венгрия, понимая, что не в состоянии начать военные действия не спешит за примером своего союзника. Только шесть дней спустя, под нажимом Германии, оставшейся изолированной, Австро-Венгрия объявляет войну России. Великая война началась.

В Белграде, 20. II 1990.

РУСКА ПОЛИТИКА ПРЕМА СРБИЈИ ОД 1908. ДО 1914. ГОДИНЕ

У раду аутор осветљава спољну политику руске владе према Србији у периоду од анексионе кризе до избијања првог светског рата. Као део опште балканске, па и шире, опште европске, политика руске владе према Србији у посматраном периоду носи низ специфичних обележја. Она се колеба од неодређености и неодлучности, понекад и изразито негативног односа, па до потпуне подршке. Све је у функцији широк интереса руских владајућих кругова, који се често разликују од стварних интереса руског друштва и руске државе. Добрим делом, она је и плод унутрашњих односа у самој Русији, степена њене привредне развијености и војне спремности за акције широк размера. До сукоба поменутих интереса долазило је, поред осталог, како због различитих позиција у сфери друштвено-политичких и социјалних односа, тако и због степена обавештености и упућености у стварне токове и релације у склопу односа међу великим европским државама и положају Русије у том домену.

У чланку се, поред осталог, открива утицај појединих личности руске владе на ставове руске дипломатије, као и однос војних кругова Русије према политици руске владе и руског цара у критичним тренуцима непосредно пред избијање опште европског ратног сукоба.

ЛИТЕРАТУРА

- Th. Bethmann-Hollweg, *Betrachtungen zum Weltkrieg*. Т. 1—2. Berlin, 1912—1921.
- British documents on the origins of the war, 1898—1914*. Vol. 1—11, London, 1926—1938.
- Buchanan, *My mission to Russia*, Vol. 1—2, Boston 1923.
- Conrad von Hötzendorf, *Aus meiner Dienstzeit 1906—1918*, Bd. 1—5, Wien—Berlin, 1921—1925.
- Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914*, Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1—40, Berlin, 1922—1927.
- Documents diplomatiques français, 1871—1914*. Paris. 1-er série (1871—1900), Т. 1—8, 1929—1936. 2-me série (1901—1911), Т. 1—7, 1931—1937. 3-me série (1912—1914), Т. 1—11, 1929—1931.
- G. Michon, *L'alliance franco-russe 1871—1917*, Paris 1927, VIII.

- Osterreich-Ungarus Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908, bis zum Kriegssausbruch 1914, Diplomatische Akten — stücke des Osterreichisch-Ungarischen Minis — tertiums des Aussern. Bd. 1—9. Wien—Leipzig 1930.*
- R. Poincaré, *An service de la France. Neuf années de souvenirs*, Vol. 1—10. Paris 1926—1933.
- Wilhelm II, Kaiser. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig—Berlin 1922.*
- Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца, I—XXXII, Београд 1924—1937.*
- М. Екмечић, *Ратни циљеви Србије 1914.*, Београд 1973.
- Ж. Живановић, *Политичка историја Србије у другој половини XIX века. I—III*, Београд 1923—1924.
- Југословенски народи пред први светски рат, уредно В. Чубриловић, Београд 1967.*
- Н. Капићић, *Аустро-угарска политика у Босни и Херцеговини и југословенско питање за вријеме првог светског рата, Годншњак Историјског друштва Босне и Херцеговине, IX (1958).*
- А. Mitrović, *Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908—1918*, Beograd 1981.
- Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у првом светском рату, Београд, 1977.*
- Б. Станковић, *Никола Пашић и југословенско питање, 1—2, Београд, 1985.*
- В. Ђоровић, *Историја Срба, 1—3, Београд, 1989.*
- В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку, Београд 1936.*
- В. Ђоровић, *Црна Књига. Питање Срба Босне и Херцеговине за време Светског рата 1914—1918, Београд 1920.*
- Вестник народног комисаријата иностраних дел, 1910, 1—2.*
- Вилхелм II, Переписка Вилхелма II с Николаем II 1894—1914. г. М.-Пг. (1923).*
- С. Ю. Витте, *Воспоминания, Т. 1—3, Л. 1923—1924.*
- Гешов, *Балканский союз. Воспоминания и документы, Петроград, 1915.*
- С. К. Добровольский, *Мобилизация русский армии в 1914 году, „Военный сборник“, Т. I, Београд 1921.*
- Донесение русского поверенного в делах в Константинополе, „Красный архив“, т. 43.*
- Европейские державы и Турция во время мировой войны, Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. I—II. М. 1925—1926.*
- А. М. Зайончиковский, *Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. „Красный архив“, 1925, т. 3(10).*
- А. М. Зайончиковский, *Подготовка России к мировой войне. Планы войны, М. 1926.*
- Красный архив. 1924, т. 7 и 7; 1925, т. 3 (10); 1932, т. 1—2 (50—51), 5—6 (54—55).*
- Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г. М. 1922.*
- Международные отношения в эпоху империализма. Т. XVIII, ч. 1.*
- Могилевич и Айрапетян, На путях к мировой войне. М. 1940.*
- Отчет Гардинга о пребывании в Ревеле в „British Documents“, В. V, 195.*

- С. Д. Сазонов, Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову, 1910—1912 гг. „Красный архив“, 1923, т. 3.
- Синяя книга, Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года. Перев. Н. М. Лачова, Пг. 1915.
- Фей. Происхождение мировой войны. Т. I, рус. перевод.
- Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг. „Красный архив“, 1933, 6 (61).